
Герберт Уэллс
Чудотворец
Рассказ и киноповесть
Перевод и комментарии
Владимира Давыдова

Герберт Уэллс
Чудотворец. Рассказ и киноповесть

https://litres.ru/74710938
SelfPub; 2026

Аннотация

Что случится, если исполнится любое желание? Скромный английский служащий Джордж Фотерингей уверен: чудес не бывает. Но однажды лампа подчиняется его словам — и привычный мир начинает меняться. Теперь можно создавать вещи, исцелять недуги и совершать невозможное. Вот только невероятная сила не подсказывает, чего следует желать и как предвидеть последствия.

В книгу вошли рассказ «Чудотворец» и развёрнутая киноповесть «Человек, который мог творить чудеса». Две версии одной истории соединяют британский юмор, фантастические приключения и сатиру на человеческое тщеславие, корысть и стремление переустроить чужую жизнь.

Полный русский перевод сопровождают иллюстрации, знакомство с героями и английским бытом, сравнение рассказа и сценария, пояснения культурных и научных отсылок. В послесловии возникает современный вопрос: чему учит история чудотворца-человека, получившего доступ к искусственному

интеллекту? Ведь исполнить распоряжение - ещё не значит понять его последствия.

Содержание

Предисловие переводчика 5
Что случится, если исполнится любое желание? 5
Часть первая. Чудотворец 8
Пантум в прозе 9
Часть вторая. Человек, который мог творить чудеса 41
Вступительные замечания 42
Музыка 44
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Герберт Уэллс Чудотворец. Рассказ и киноповесть

Предисловие переводчика

Что случится, если исполнится любое желание?

Представьте, что вы произнесли самую обыкновенную фразу — и мир вам подчинился. Не в переносном смысле. Предмет сдвинулся с места, которого не должен был покидать. Невозможное произошло без подготовки, без объяснения и, что особенно неудобно, при свидетелях.

С чего вы начнёте? Проверите, не показалось ли вам? Попросите денег? Вылечите того, кто вам дорог? А может быть, первым желанием окажется совсем маленькое: найти спичку, которую вы только что безуспешно искали по карманам.

Герберт Уэллс доверяет чудо человеку, который к нему совершенно не готов. Мистер Фотерингей не изучал тайных наук, не мечтал управлять человечеством и не собирался

опровергать законы природы. Более того, он как раз убеждён, что чудес не бывает. Его уверенность выражается так энергично, что однажды окружающий мир словно принимает её за распоряжение.

Это очень смешное начало. В нём уже слышна интонация всей истории: невероятное входит в повседневность через боковую дверь, где обычно проходят посетители пивной. Человек получает немыслимую силу, а привычки у него остаются прежние. Он по-прежнему смущается, раздражается, хочет выглядеть убедительно, дорожит хорошей вещью и боится показаться дураком.

Мне нравится, что Уэллс не требует заранее решить, кто перед нами: будущий благодетель или будущий тиран. Сначала перед нами просто Джордж. Мы узнаём его постепенно — по паузам, оговоркам, нелепым оправданиям и по тем желаниям, которые он решается произнести вслух. Великие возможности не отменяют маленького человека. Они делают его особенно хорошо видимым.

В эту книгу вошли две версии истории. Рассказ «Чудотворец» появился в 1898 году. Почти четыре десятилетия спустя Уэллс вернулся к своему герою в литературном сценарии «Человек, который мог творить чудеса». Перед нами не растянутый рассказ: в киноповести появились новые люди, разговоры и столкновения, а взгляд на человеческие возможности стал шире. Сначала можно прочитать оба произведения подряд, а затем вернуться к различиям между ними.

В рассказе особенно важен голос повествователя. Он сообщает невероятные вещи с такой обстоятельностью, будто уточняет подробности не слишком удачного воскресного вечера. В киноповести многое доверено зрению и слуху: жесту актёра, внезапной тишине, движению камеры, музыкальной теме. При переводе мне хотелось сохранить оба способа рассказывать — не превращать невозмутимую прозу в балаган и не сглаживать сценарий до привычного романа.

Поэтому в киноповести оставлены авторские ремарки, указания на крупные планы, музыку и смену изображения. Они помогают увидеть ещё не снятую сцену. Замечания Уэллса перед началом действия тоже сохранены: это приглашение заглянуть в его творческую мастерскую.

Материалы после художественных частей предназначены для читателя, который уже познакомился с обеими историями. Там мы поговорим об английском городке, о советчиках чудотворца, о природе неосторожного приказания и о том, почему эта старая фантазия так легко вызывает современные ассоциации. До чтения рассказа и киноповести туда можно не заглядывать: обсуждение неизбежно касается развязок.

А пока оставим справки и объяснения. В «Длинном драконе» уже начался спор. Один из собеседников уверен, что всё понимает. Другой, кажется, намерен с ним не соглашаться.

Владимир Давыдов

Часть первая. Чудотворец

Рассказ, 1898

Пантум в прозе

Сомнительно, чтобы этот дар был у него от рождения. Я лично полагаю, что он обрёл его внезапно. Во всяком случае, до тридцати лет он оставался скептиком и в чудесные силы не верил. Здесь же, поскольку удобнее всего сказать об этом именно сейчас, следует упомянуть, что был он невысок, с живыми карими глазами, торчащими рыжими волосами, усами, кончики которых подкручивал кверху, и веснушками. Звали его Джордж Макуиртер Фотерингей — имя, прямо скажем, ничуть не предвещавшее чудес, — и служил он конторщиком у Гомшотта. Он весьма любил спорить, высказываясь с большой уверенностью. И как раз в тот миг, когда доказывал невозможность чудес, впервые получил представление о своих необыкновенных способностях.

Спор происходил в пивной «Длинный дракон». Противную сторону представлял Тодди Бимиш, который однообразным, но действенным возражением: «Это вы так говорите» — довёл мистера Фотерингея до последнего предела терпения.

Кроме них двоих, присутствовали ещё очень запылённый велосипедист, хозяин заведения Кокс и мисс Мейбридж — вполне почтенная и довольно дородная буфетчица «Дракона». Мисс Мейбридж стояла к мистеру Фотерингею спиной и мыла стаканы; остальные наблюдали за ним, более или ме-

нее забавляясь тем, что уверенный тон на этот раз не приносит желаемых результатов.

Выведенный из себя неприступной, словно укрепления Торриш-Ведраш, обороной мистера Бимиша, мистер Фотерингей решился на необычайное ораторское усилие.

— Послушайте, мистер Бимиш, — сказал он. — Давайте прежде ясно установим, что такое чудо. Это нечто противное естественному порядку вещей, совершённое силой воли. То, что без особого волевого усилия произойти никак не могло бы.

— Это вы так говорите, — парировал мистер Бимиш.

Мистер Фотерингей обратился к велосипедисту, который до сих пор молча слушал, и получил его согласие, выраженное с нерешительным покашливанием и оглядкой на мистера Бимиша. Хозяин высказываться не пожелал. Тогда мистер Фотерингей снова повернулся к мистеру Бимишу и неожиданно добился уступки: тот согласился с его определением чуда, хотя и с оговорками.

— Вот, например, — продолжал заметно приободрившийся мистер Фотерингей. — Возьмём такой случай. Эта лампа при естественном ходе вещей не могла бы гореть вверх тормашками, верно, Бимиш?

— Это вы говорите, что не могла бы.

— А вы? — спросил Фотерингей. — Не хотите же вы сказать… а?

— Нет, — неохотно признал Бимиш. — Нет, не могла бы.

— Прекрасно, — сказал мистер Фотерингей. — Значит, подходит сюда кто-нибудь, ну, допустим, я, становится вот здесь, ну, допустим, как я сейчас, и говорит этой лампе, собрав всю свою волю: «Перевернись вверх тормашками, не разбивайся и продолжай спокойно гореть» — и… Вот те на!

Тут кто угодно воскликнул бы: «Вот те на!»

Невозможное, невероятное предстало перед глазами у всех. Лампа висела в воздухе вверх дном и спокойно горела пламенем вниз. Она была совершенно вещественна, совершенно несомненна — самая обыкновенная, прозаическая лампа из пивной «Длинный дракон».

Мистер Фотерингей стоял, вытянув указательный палец и нахмурившись, как человек, который вот-вот ожидает сокрушительного падения. Сидевший возле лампы велосипедист пригнулся и одним прыжком перемахнул через стойку. Остальные тоже подскочили — кто больше, кто меньше. Мисс Мейбридж обернулась и завизжала.

Почти три секунды лампа оставалась неподвижной.

Мистер Фотерингей слабо вскрикнул от душевного напряжения.

— Больше не могу её удерживать, — произнёс он.

Он отшатнулся. Перевёрнутая лампа вдруг вспыхнула, ударилась об угол стойки, отскочила в сторону, разбилась об пол и погасла.

Счастье ещё, что резервуар для масла был металлический, иначе всё заведение охватило бы пламя. Первым заговорил

мистер Кокс. Если очистить его высказывание от необязательных словесных украшений, оно сводилось к тому, что Фотерингей — дурак.

Фотерингей был не в состоянии оспорить даже столь основополагающее утверждение! Случившееся ошеломило его сверх всякой меры. Последовавший разговор ровным счётом ничего ему не объяснил. Общее мнение не только вполне совпадало с мнением мистера Кокса, но и выражалось чрезвычайно горячо. Все обвиняли Фотерингея в дурацком фокусе и рисовали ему его собственный образ как образ безмозглого нарушителя покоя и безопасности.

В голове у него бушевал вихрь недоумения. Он и сам склонен был согласиться с окружающими, а потому на предложение покинуть заведение возражал на редкость неубедительно.

Домой он шёл раскрасневшийся, разгорячённый, со смятым воротником пиджака; глаза щипало, уши горели. Каждый из десяти уличных фонарей, мимо которых он проходил, заставлял его нервно всматриваться в пламя.

Лишь очутившись один в своей маленькой спальне на Черч-роу, он смог всерьёз обратиться к воспоминаниям о происшедшем и задать себе вопрос:

— Да что же это, собственно, было?

Он снял пиджак и ботинки и сидел на кровати, засунув руки в карманы. В семнадцатый раз повторив в своё оправдание: «Да не хотел я опрокидывать эту проклятую штуку»,

— он вдруг сообразил, что в ту самую минуту, когда произносил слова приказания, нечаянно пожелал именно того, о чём говорил. А когда увидел лампу в воздухе, почувствовал, что удерживать её там должен он сам, хотя и не понимал, каким образом это делается.

Будь его ум устроен посложнее, он, пожалуй, надолго застрял бы на этом «нечаянно пожелал», заключающем в себе самые тёмные вопросы волевого действия. Однако мысль явилась ему в достаточно приемлемой туманности. И от неё — признаюсь, далеко не самым ясным логическим путём — он перешёл к опытной проверке.

Он решительно указал на свечу и сосредоточился, хотя чувствовал, что занимается глупостями.

— Поднимись, — сказал он.

Но уже через секунду это чувство исчезло.

Свеча поднялась, на одно головокружительное мгновение повисла в воздухе и, когда мистер Фотерингей ахнул, с грохотом упала на туалетный столик. В комнате стало темно; только фитиль ещё слабо тлел.

Некоторое время мистер Фотерингей сидел в темноте совершенно неподвижно.

— Значит, всё-таки было, — сказал он. — А уж как мне это объяснить — понятия не имею.

Он тяжело вздохнул и принялся искать в карманах спички. Не найдя ни одной, поднялся и стал ощупывать туалетный столик.

— Вот бы мне спичку, — проговорил он.

Он обыскал пиджак, но и там ничего не оказалось. И тут до него дошло: со спичками ведь тоже можно творить чудеса.

Он протянул руку и нахмурился, глядя на неё в темноте.

— Пусть в этой руке будет спичка, — сказал он.

Что-то лёгкое упало ему на ладонь. Пальцы сомкнулись на спичке.

После нескольких безуспешных попыток зажечь её он обнаружил, что это безопасная спичка, для которой нужна специальная тёрка. Он бросил её на столик, а затем сообразил, что мог бы просто пожелать, чтобы она загорелась.

Он пожелал — и увидел, что спичка горит посреди салфетки на туалетном столике.

Он поспешно схватил её, и она погасла.

Представление о собственных возможностях расширялось. Он нащупал свечу и поставил её обратно в подсвечник.

— Эй, ты! Зажгись! — сказал мистер Фотерингей.

Свеча тотчас вспыхнула. Он увидел маленькую чёрную дырочку в покрывавшей столик салфетке; из дырочки поднималась тонкая струйка дыма.

Некоторое время он переводил взгляд с прожжённого места на огонёк и обратно, потом поднял глаза и встретился со своим отражением в зеркале. С его помощью он некоторое время безмолвно беседовал с самим собой.

— Ну, а теперь что скажешь насчёт чудес? — спросил наконец мистер Фотерингей у отражения.

Последующие его размышления были напряжёнными, но путаными. Пока он мог установить одно: всё зависело исключительно от его воли. Уже пережитое не располагало к дальнейшим опытам — во всяком случае, до тех пор, пока он как следует всё не обдумает.

Впрочем, он всё же поднял в воздух лист бумаги, превратил воду в стакане сначала в розовую, потом в зелёную, сотворил улитку, которую затем чудесным образом уничтожил, и обзавёлся столь же чудесной новой зубной щёткой.

Далеко за полночь он пришёл к выводу, что сила его воли должна обладать качествами на редкость исключительными и действенными. Кое-какие подозрения на этот счёт возникали у него и прежде, но твёрдой уверенности не было. Испуг и растерянность, вызванные открытием, теперь смягчались гордостью за доказанную незаурядность и смутными предчувствиями возможных выгод.

Он услышал, как церковные часы пробили час. Поскольку ему не пришло в голову, что от ежедневной службы у Гомшотта тоже можно чудесным образом избавиться, он снова принялся раздеваться, чтобы без дальнейших промедлений лечь спать.

Пока он боролся с рубашкой, стаскивая её через голову, его осенила блестящая мысль.

— Пусть я окажусь в постели, — сказал он.

И оказался.

— Раздетым, — уточнил он.

Простыни были холодные, и он поспешно добавил:

— И в ночной рубашке… о, в хорошей мягкой шерстяной ночной рубашке. Ах! — произнёс он с огромным удовольствием. — А теперь пусть мне спокойно спится…

Проснулся он в обычное время. За завтраком был задумчив и всё гадал, не приснились ли ему ночные события в каком-то особенно ярком сне. Наконец его мысли снова обратились к осторожным опытам.

Например, к завтраку он съел три яйца. Два подала квартирная хозяйка — неплохие, но обычные, из лавки. Третье же было превосходным свежим гусиным яйцом, которое его необыкновенная воля снесла, сварила и подала к столу.

К Гомшотту он поспешил в состоянии глубокого, тщательно скрываемого волнения. О скорлупе третьего яйца вспомнил лишь вечером, когда хозяйка заговорила о ней.

Весь день он не мог работать: до того поразительным оказалось новое знание о самом себе. Впрочем, неприятностей это ему не доставило, поскольку за последние десять минут он чудесным образом наверстал всё упущенное.

По мере того как день шёл к концу, изумление сменялось восторгом. Правда, обстоятельства изгнания из «Длинного дракона» по-прежнему было неприятно вспоминать, а искажённый рассказ об этом происшествии, добравшийся до сослуживцев, дал повод для насмешек.

Было ясно, что, поднимая хрупкие предметы, следует соблюдать осторожность. Во всём остальном дар обещал тем

больше, чем дольше он о нём размышлял. Между прочим, он намеревался пополнять своё имущество неброскими актами творения.

Он вызвал к существованию пару великолепнейших бриллиантовых запонок — и поспешно уничтожил их, когда младший Гомшотт направился через контору к его столу. Он испугался, что младший Гомшотт начнёт расспрашивать, откуда они взялись.

Фотерингей совершенно ясно понимал, что пользоваться даром нужно осмотрительно и осторожно. Но, насколько он мог судить, овладеть им будет не труднее, чем когда-то научиться ездить на велосипеде.

Возможно, именно это сравнение, не меньше, чем сознание того, что в «Длинном драконе» ему не обрадуются, и побудило его после ужина отправиться в переулок за газовым заводом, чтобы в уединении поупражняться в чудотворстве.

Возможно, его попыткам несколько недоставало оригинальности: если не считать силы воли, мистер Фотерингей был человеком вполне заурядным. Он вспомнил о чуде с жезлом Моисея, но ночь была тёмная и мало подходила для надлежащего надзора за большими чудесными змеями. Затем ему пришла на память история Тангейзера, прочитанная на обороте программы филармонического концерта. Это показалось ему особенно привлекательным и совершенно безобидным.

Он воткнул свою трость — превосходный «пенангский ад-

вокат» — в дёрн у края дорожки и приказал сухому дереву расцвести.

Воздух тотчас наполнился ароматом роз. Чиркнув спичкой, он собственными глазами убедился, что прекрасное чудо действительно совершилось.

Его радость прервал звук приближающихся шагов. Испугавшись, что его способности обнаружатся раньше времени, он поспешно обратился к цветущей трости:

— Назад!

Он хотел сказать: «Стань прежней», — но, разумеется, растерялся.

Трость с изрядной скоростью метнулась назад, и тут же со стороны приближавшегося человека донеслись сердитый крик и ругательство.

— Ты в кого колючками швыряешься, болван? — возмутился незнакомец. — Прямо по голени!

— Простите, приятель, — сказал мистер Фотерингей и, сообразив, как трудно будет всё объяснить, нервно потянул себя за ус.

К нему приближался Уинч, один из трёх иммерингских констеблей.

— Что это вы себе позволяете? — спросил полицейский. — А-а, так это вы? Тот самый господин, который разбил лампу в «Длинном драконе»!

— Я ничего такого не хотел, — сказал мистер Фотерингей. — Совершенно ничего.

— Тогда зачем сделали?

— Вот досада! — сказал мистер Фотерингей.

— Досада, ещё бы! Знаете, как больно эта палка ударила? Зачем вы это сделали, а?

В ту минуту мистер Фотерингей никак не мог сообразить, зачем же он это сделал. Его молчание, по-видимому, только раздражало мистера Уинча.

— На этот раз, молодой человек, вы напали на представителя полиции. Вот что вы сделали.

— Послушайте, мистер Уинч, — произнёс мистер Фотерингей, раздосадованный и смущённый. — Я прошу прощения. Очень прошу. Дело в том…

— Ну?

Ничего, кроме правды, в голову не приходило.

— Я творил чудо.

Он постарался произнести это как нечто обыденное, но, сколько ни старался, у него не получилось.

— Творили… что? Послушайте, вы мне тут чепухи не городите. Чудо он творил! Чудо! Ну и насмешили! Да ведь это вы и есть тот самый, который в чудеса не верит… Скажу вам, что это такое: ещё один ваш дурацкий фокус. Вот что. И я вам сейчас…

Но мистер Фотерингей так и не услышал, что собирался сказать ему мистер Уинч.

Он понял, что выдал себя, пустил по ветру свою драгоценную тайну. Приступ яростного раздражения толкнул его на

поступок. Он резко и свирепо обернулся к констеблю.

— Знаете что, — сказал он, — с меня довольно! Сейчас я вам покажу дурацкий фокус! Ступайте в преисподнюю! Немедленно!

Он остался один.

Больше в ту ночь мистер Фотерингей чудес не творил. Он даже не потрудился выяснить, что сталось с его цветущей тростью. Испуганный и необычайно тихий, он вернулся в город и поднялся к себе в спальню.

— Господи! — проговорил он. — Ну и дар… Чрезвычайно могущественный дар. Я ведь вовсе не это имел в виду. Не совсем это… Интересно, как там, в преисподней?

Он сел на кровать и принялся снимать ботинки. Тут его осенила счастливая мысль: он перенёс констебля в Сан-Франциско и, больше уже не вмешиваясь в обычный ход причин и следствий, благоразумно лёг спать.

Ночью ему снился разгневанный Уинч.

На другой день мистер Фотерингей узнал две любопытные новости. Кто-то посадил великолепную плетистую розу возле частного дома старшего мистера Гомшотта на Лалла-боро-роуд. А в поисках констебля Уинча собирались обследовать баграми речное дно вплоть до мельницы Роулинга.

Весь день мистер Фотерингей был рассеян и задумчив. Никаких чудес он не совершал, если не считать некоторых мер по обеспечению Уинча всем необходимым, а также того чуда, благодаря которому дневная работа была выполнена

безукоризненно и точно в срок, несмотря на целый рой мыслей, жужжавших у него в голове.

Его необыкновенную рассеянность и кротость заметили несколько человек, и это стало предметом шуток.

Сам же он главным образом думал об Уинче.

В воскресенье вечером он отправился в молельню. По странному совпадению мистер Мейдиг, проявлявший некоторый интерес к оккультным вопросам, проповедовал о том, «чего человеку нельзя».

Мистер Фотерингей не принадлежал к числу усердных прихожан, но та система самоуверенного скептицизма, о которой я уже упоминал, теперь сильно пошатнулась. Содержание проповеди бросило совершенно новый свет на его недавнее приобретение, и он вдруг решил посоветоваться с мистером Мейдигом сразу после службы.

Едва приняв это решение, он стал удивляться, почему не сделал этого раньше.

Мистер Мейдиг, худощавый, порывистый человек с поразительно длинными запястьями и шеей, был польщён просьбой о беседе с глазу на глаз. Ведь с такой просьбой обратился молодой человек, о чьём равнодушии к религиозным вопросам судачил весь город.

После нескольких неизбежных задержек он проводил гостя в кабинет пасторского дома, примыкавшего к молельне, удобно усадил его и, став перед весело пылающим камином, попросил мистера Фотерингея изложить своё дело. На про-

тивоположной стене тень от его широко расставленных ног образовала арку, достойную Родосского колосса.

Поначалу мистер Фотерингей смущался и с трудом подступал к предмету разговора.

— Боюсь, мистер Мейдиг, вы мне едва ли поверите…

И так далее, довольно долго.

Наконец он попробовал начать с вопроса: как мистер Мейдиг относится к чудесам?

— Что ж… — произнёс мистер Мейдиг чрезвычайно рассудительным тоном.

Но мистер Фотерингей снова его перебил:

— Вы ведь, наверное, не допускаете, что у самого обыкновенного человека — ну, допустим, у меня, вот я сейчас тут сижу, — внутри может быть какое-нибудь особое устройство, благодаря которому он способен делать разные вещи одной своей волей?

— Это возможно, — сказал мистер Мейдиг. — Нечто подобное, пожалуй, возможно.

— Если позволите мне распорядиться какой-нибудь вашей вещью, я, кажется, мог бы показать это на опыте, — сказал мистер Фотерингей. — Вот, например, табачница на столе. Я хочу узнать, будет ли чудом то, что я сейчас с ней сделаю. Одну минутку, мистер Мейдиг, пожалуйста.

Он нахмурился, указал на табачницу и произнёс:

— Стань вазочкой с фиалками.

Табачница исполнила приказание.

При виде этой перемены мистер Мейдиг сильно вздрогнул и принялся переводить взгляд с чудотворца на вазочку с цветами. Он молчал. Наконец осмелился наклониться над столом и понюхать фиалки. Они были свежесорванные и превосходные.

Тогда он снова уставился на мистера Фотерингея.

— Как вы это сделали?

Мистер Фотерингей потянул себя за ус.

— Просто велел — и вот, пожалуйста. Это чудо, или чёрная магия, или что-нибудь ещё? И что, по-вашему, со мной такое? Вот о чём я хотел спросить.

— Случай чрезвычайно необыкновенный.

— А ещё неделю назад, в этот самый день, я знал о своей способности делать подобные вещи не больше вашего. Всё произошло совершенно внезапно. Наверное, что-то особенное с моей волей. Больше я ничего понять не могу.

— И это… единственное, что вы умеете? Или вы могли бы сделать что-нибудь ещё?

— Да господи, конечно! — ответил мистер Фотерингей. — Всё что угодно.

Он задумался и вдруг вспомнил представление фокусника, на котором когда-то побывал.

— Вот! — Он указал пальцем. — Превратись в чашу с рыбой… нет, не так… превратись в стеклянную чашу, полную воды, и пусть в ней плавают золотые рыбки.

— Вот так лучше! Видите, мистер Мейдиг?

— Поразительно. Невероятно. Вы либо человек совершенно необыкновенный… Но нет…

— Я могу превратить её во что угодно, — сказал мистер Фотерингей. — Решительно во что угодно. Ну-ка! Стань голубем!

В следующее мгновение сизый голубь уже летал по комнате, заставляя мистера Мейдига пригибаться всякий раз, когда пролетал поблизости.

— Стой на месте, слышишь? — сказал мистер Фотерингей.

Голубь неподвижно повис в воздухе.

— Я могу снова превратить его в вазочку с цветами.

Вернув голубя на стол, он совершил и это чудо.

— Полагаю, вам скоро захочется покурить, — заметил он и восстановил табачницу.

Все эти последние превращения мистер Мейдиг наблюдал в своеобразном молчании, прерываемом лишь невольными восклицаниями. Он уставился на мистера Фотерингея, затем чрезвычайно осторожно взял табачницу, осмотрел её и поставил обратно.

— Ну и ну! — только и смог он произнести.

— Теперь мне будет легче объяснить, зачем я пришёл, — сказал мистер Фотерингей.

И пустился в длинный, путаный рассказ о своих необыкновенных приключениях, начав с происшествия с лампой в «Длинном драконе» и постоянно осложняя повествование

упоминаниями об Уинче.

По мере того как он рассказывал, мимолётная гордость, вызванная потрясением мистера Мейдига, улетучивалась. Перед пастором снова сидел самый обыкновенный мистер Фотерингей, каким его знали в повседневном общении.

Мистер Мейдиг внимательно слушал, держа в руке табачницу. Его поведение тоже постепенно менялось. Наконец, когда мистер Фотерингей дошёл до чуда с третьим яйцом, пастор перебил его, взмахнув вытянутой рукой:

— Это возможно. Это правдоподобно. Разумеется, поразительно, однако позволяет разрешить целый ряд поразительных затруднений. Способность творить чудеса — дар, особое свойство, подобное гениальности или ясновидению. До сих пор он встречался чрезвычайно редко и лишь у исключительных людей. Но в данном случае… Меня всегда озадачивали чудеса Магомета, чудеса йогов, чудеса мадам Блаватской. Однако, конечно… Да, это просто дар! Как прекрасно он подтверждает доводы великого мыслителя… — Мистер Мейдиг понизил голос. — Его светлости герцога Аргайла. Здесь мы соприкасаемся с каким-то более глубоким законом, лежащим глубже обычных законов природы. Да, да. Продолжайте. Продолжайте!

Мистер Фотерингей принялся рассказывать о злоключении с Уинчем. Мистер Мейдиг, уже оправившийся от благоговейного страха, стал порывисто двигать руками и ногами и то и дело восклицать от изумления.

— Вот это меня больше всего и тревожит, — продолжал мистер Фотерингей. — Вот насчёт этого мне особенно нужен совет. Конечно, он теперь в Сан-Франциско, где бы это Сан-Франциско ни находилось, но, как вы сами понимаете, мистер Мейдиг, положение для нас обоих неловкое. Не представляю, как он может понять, что с ним случилось. Наверняка до смерти перепуган, ужасно зол и пытается до меня добраться. Наверняка всё время пускается в обратный путь. А я каждые несколько часов, когда вспоминаю, чудесным образом отправляю его обратно. Разумеется, этого он понять не может, и его это непременно раздражает. И потом, если он всякий раз покупает билет, это влетит ему в копеечку. Я сделал для него всё, что мог, но ему, конечно, трудно поставить себя на моё место. Позже я подумал, что одежда на нём могла обгореть, понимаете, если преисподняя и в самом деле такая, как о ней рассказывают, — ещё до того, как я его оттуда перенёс. Тогда в Сан-Франциско его, пожалуй, посадили бы под замок. Конечно, едва я об этом подумал, сразу пожелал, чтобы на нём оказался новый костюм. Но, видите ли, я уже так ужасно запутался…

Мистер Мейдиг посерьёзнел.

— Да, вижу, вы запутались. Положение затруднительное. Как вам из него выйти…

Он пустился в пространные рассуждения, которые ни к чему не привели.

— Впрочем, оставим пока Уинча и обсудим вопрос в це-

лом. Я не думаю, что здесь замешана чёрная магия или что-либо подобное. Не вижу в этом решительно ничего преступного, мистер Фотерингей, совершенно ничего, если только вы не скрываете каких-нибудь существенных обстоятельств. Нет, это чудеса. Чистейшие чудеса. Чудеса, если позволительно так выразиться, самого высокого разряда.

Он принялся расхаживать по коврику перед камином и жестикулировать. Мистер Фотерингей сидел, опершись локтем на стол и подперев голову рукой, и выглядел озабоченным.

— Не понимаю, как мне быть с Уинчем, — сказал он.

— Дар чудотворения, по-видимому весьма могущественный дар, — произнёс мистер Мейдиг, — позволит уладить и дело с Уинчем. Не сомневайтесь. Дорогой мой, вы чрезвычайно важная личность, человек с поразительнейшими возможностями. Хотя бы как живое доказательство! А кроме того, сколько всего вы можете совершить…

— Да, кое-что я и сам придумал, — сказал мистер Фотерингей. — Только некоторые вещи получались немного не так. Вы видели, что сначала вышло с рыбой? И посудина не та, и рыба не та. Вот я и решил с кем-нибудь посоветоваться.

— Правильное решение, — сказал мистер Мейдиг. — Очень правильное. Совершенно правильное.

Он остановился и посмотрел на мистера Фотерингея.

— Практически это безграничный дар. Давайте, например, испытаем ваши силы. Если они действительно… Если

они действительно таковы, какими представляются.

И вот, как бы невероятно это ни звучало, вечером в воскресенье, десятого ноября 1896 года, в кабинете маленького дома за конгрегационалистской молельней мистер Фотерингей, подстрекаемый и вдохновляемый мистером Мейдигом, принялся творить чудеса.

Я особо и настоятельно обращаю внимание читателя на эту дату.

Читатель возразит — вероятно, уже возразил, — что некоторые обстоятельства этой истории неправдоподобны: если бы нечто подобное описанному действительно произошло, об этом в своё время писали бы все газеты. Последующие подробности покажутся ему особенно трудными для принятия, поскольку из них, между прочим, следует, что он или она, то есть сам читатель или читательница, больше года назад погибли насильственной и совершенно беспримерной смертью.

Но чудо по самой своей природе неправдоподобно. И на самом деле читатель действительно погиб насильственной и совершенно беспримерной смертью в 1896 году. По мере дальнейшего изложения это станет совершенно ясно и вполне достоверно, что и признает всякий здравомыслящий и рассудительный читатель.

Однако сейчас не место для конца истории: мы лишь немного перевалили за середину.

Поначалу мистер Фотерингей творил робкие маленькие

чудеса: всякую всячину с чашками и комнатной обстановкой, столь же немощную, как чудеса теософов. Но даже эти немощные чудеса его помощник принимал с благоговением.

Сам Фотерингей предпочёл бы немедленно уладить дело с Уинчем, однако мистер Мейдиг ему не позволил. Когда же они проделали с десяток подобных домашних пустяков, ощущение собственного могущества возросло, воображение начало пробуждаться, а замыслы приобрели больший размах.

Первое их более значительное предприятие было вызвано голодом и нерадивостью миссис Минчин, экономки мистера Мейдига.

Ужин, к которому пастор пригласил мистера Фотерингея, определённо был сервирован кое-как и мало подходил для подкрепления сил двух усердных чудотворцев. Однако они уже сели за стол, и мистер Мейдиг принялся рассуждать о недостатках своей экономки — скорее с печалью, чем с гневом, — прежде чем мистер Фотерингей сообразил, какая возможность перед ним открывается.

— Как вы думаете, мистер Мейдиг, если это не будет с моей стороны вольностью, я бы…

— Дорогой мистер Фотерингей! Разумеется! Нет, надо же, мне и в голову не пришло!

Мистер Фотерингей взмахнул рукой.

— Чего бы нам хотелось? — спросил он с широтой человека, готового учесть любые пожелания.

И по указаниям мистера Мейдига основательно пересмотрел состав ужина.

— Что касается меня, — сказал он, оглядывая выбранные мистером Мейдигом блюда, — я всегда особенно любил кружечку стаута и хороший гренок с расплавленным сыром. Это я себе и закажу. До бургундского я не большой охотник.

По его приказанию немедленно появились стаут и гренок с сыром.

За ужином они просидели долго, обсуждая чудеса, которые вскоре собирались совершить. И в какой-то момент мистер Фотерингей с удивлением и удовольствием обнаружил, что разговаривают они как равные.

— Между прочим, мистер Мейдиг, — сказал он, — я, пожалуй, мог бы помочь вам и по домашней части.

— Не совсем понимаю, — ответил мистер Мейдиг, наливая себе бокал чудесным образом сотворённого старого бургундского.

Мистер Фотерингей извлёк из небытия второй гренок с сыром и откусил.

— Я подумал, — сказал он, пережёвывая, — может, мне удастся сотворить чудо с миссис Минчин… сделать её женщиной получше.

Мистер Мейдиг поставил бокал и посмотрел на него с сомнением.

— Она… Понимаете, мистер Фотерингей, она решительно не терпит вмешательства. И потом, собственно говоря,

уже далеко за одиннадцать, и она, вероятно, легла и спит. Как вы думаете, стоит ли…

Мистер Фотерингей обдумал эти возражения.

— Не вижу, почему бы не сделать это, пока она спит.

Некоторое время мистер Мейдиг противился, затем уступил.

Мистер Фотерингей отдал соответствующие приказания, и оба господина продолжили трапезу, чувствуя себя, пожалуй, уже не столь непринуждённо.

Мистер Мейдиг пространно рассуждал о переменах, которых следовало ожидать от экономки наутро. Его оптимизм даже расслабленному после ужина мистеру Фотерингею казался несколько натянутым и лихорадочным.

Тут наверху послышался какой-то беспорядочный шум.

Они обменялись вопросительными взглядами. Мистер Мейдиг поспешно вышел из комнаты. Мистер Фотерингей услышал, как он окликнул экономку, а потом тихо поднялся по лестнице.

Примерно через минуту пастор вернулся лёгкой походкой, с сияющим лицом.

— Чудесно! — сказал он. — И трогательно! Необычайно трогательно!

Он принялся расхаживать по коврику перед камином.

— Раскаяние… Самое трогательное раскаяние… Сквозь щёлочку в двери. Бедная женщина! Поразительная перемена! Она встала. Должно быть, встала немедленно. Проснu-

лась и встала, чтобы разбить бутылку бренди, которую тайком держала у себя в сундуке. И сама во всём призналась!.. Но ведь это даёт нам… это открывает… поразительнейшие возможности. Если мы способны произвести такую чудесную перемену в ней…

— Похоже, тут никаких пределов нет, — сказал мистер Фотерингей. — А насчёт мистера Уинча…

— Совершенно никаких пределов!

И мистер Мейдиг, стоя на коврике перед камином и отмахнувшись от затруднения с Уинчем, изложил целый ряд чудесных предложений, которые придумывал прямо на ходу.

В чём именно состояли эти предложения, для существа нашего рассказа неважно. Достаточно сказать, что продиктованы они были безграничным благожелательством — тем самым, которое прежде называли послеобеденным. Достаточно также отметить, что вопрос об Уинче так и остался нерешённым.

Нет нужды описывать и то, насколько далеко они продвинулись в исполнении своих замыслов.

Перемены произошли удивительные.

Глубокой ночью мистер Мейдиг и мистер Фотерингей уже носились по холодной рыночной площади под неподвижной луной, охваченные своего рода чудотворческим исступлением. Долговязый мистер Мейдиг весь состоял из взмахов и жестов; невысокий, взъерошенный мистер Фотерингей больше не смущался собственным величием.

Они исправили всех пьяниц в избирательном округе, превратили всё пиво и спиртное в воду — в этом вопросе мистер Мейдиг настоял на своём вопреки Фотерингею, — значительно улучшили местное железнодорожное сообщение, осушили болото Флиндерса, повысили плодородие почвы на холме Одинокого Дерева и свели бородавку у приходского священника.

Теперь они направлялись посмотреть, что можно сделать с повреждённой опорой Южного моста.

— Завтра, — задыхаясь, говорил мистер Мейдиг, — нашего городка будет не узнать. Как все удивятся! Как будут благодарны!

И в эту самую минуту церковные часы пробили три.

— Послушайте, — сказал мистер Фотерингей, — уже три часа! Мне пора домой. В восемь надо быть на службе. Да и миссис Уиммс…

— Мы ведь только начинаем, — ответил мистер Мейдиг, упивавшийся сладостью безграничного могущества. — Только начинаем. Подумайте, сколько добра мы делаем. Когда люди проснутся…

— Но… — сказал мистер Фотерингей.

Мистер Мейдиг вдруг схватил его за руку. Глаза у него горели почти безумным блеском.

— Дорогой мой, — сказал он, — торопиться некуда. Взгляните!

Он указал на луну в зените.

— Иисус Навин!

— Иисус Навин? — переспросил мистер Фотерингей.

— Иисус Навин, — повторил мистер Мейдиг. — Почему бы и нет? Остановите её.

Мистер Фотерингей посмотрел на луну.

— Ну, это уж слишком, — сказал он после некоторого молчания.

— Почему? — спросил мистер Мейдиг. — Конечно, останавливать нужно не её. Вы остановите вращение Земли, понимаете? Время остановится. Мы ведь никому не причиним вреда.

— Гм… — произнёс мистер Фотерингей. — Ну что ж, — вздохнул он, — попробую. Эй!

Он застегнул пиджак и обратился к обитаемому земному шару, постаравшись придать себе как можно более уверенный вид.

— Перестань-ка вращаться, слышишь? — сказал мистер Фотерингей.

В следующее мгновение он уже летел по воздуху кувырком со скоростью десятков миль в минуту.

Несмотря на бесчисленные обороты, которые он совершал каждую секунду, он успел подумать — ибо мысль удивительна: порой она медлительна, как текучая смола, а порой мгновенна, как свет. За одну секунду он подумал и пожелал:

— Пусть я опущусь на землю целым и невредимым. Что бы ни случилось с остальным, пусть я опущусь целым и

невредимым!

Он пожелал этого как раз вовремя: одежда, раскалённая стремительным полётом сквозь воздух, уже начинала тлеть.

Он с силой, но без всякого для себя вреда шлёпнулся на нечто вроде груды свежевзрытой земли. Огромная масса металла и каменной кладки, чрезвычайно похожая на часовую башню посреди рыночной площади, ударилась о землю рядом с ним, отскочила, пронеслась над его головой и, словно разорвавшаяся бомба, рассыпалась камнями, кирпичами и цементом.

Летевшая следом корова ударилась об один из больших обломков и разбилась, как яйцо.

Раздался такой грохот, что по сравнению с ним самые оглушительные звуки, какие Фотерингей слышал прежде, показались бы шелестом оседающей пыли. За ним последовал целый ряд постепенно слабеющих ударов.

Гигантский ветер ревел между небом и землёй, так что он едва мог приподнять голову и оглядеться.

Некоторое время ему настолько не хватало дыхания и он был настолько ошеломлён, что не мог даже понять, где находится и что произошло. Первым его движением было ощупать голову и убедиться, что развевающиеся волосы всё ещё принадлежат ему самому.

— Господи! — выдохнул мистер Фотерингей, с трудом выговаривая слова под натиском бури. — Едва жив остался! Что же это стряслось? Буря, гром… А минуту назад была

прекрасная ночь. Это Мейдиг меня подбил на такие штуки. Ну и ветер! Если я и дальше буду так дурачиться, непременно во что-нибудь ужасное влипну!.. Где Мейдиг? Что за проклятый беспорядок кругом!

Он огляделся, насколько позволял хлопавший на ветру пиджак.

Всё вокруг выглядело чрезвычайно странно.

— Небо, во всяком случае, на месте, — сказал мистер Фотерингей. — И, пожалуй, только оно одно. Хотя и там, кажется, собирается страшная буря. Но луна-то вон, над головой. Совсем как только что. Светло, словно в полдень. А вот всё остальное… Где городок? Где… где вообще хоть что-нибудь? И с чего это, скажите на милость, поднялся такой ветер? Никакого ветра я не заказывал.

Мистер Фотерингей попытался встать, но безуспешно. После первой же попытки он остался на четвереньках, крепко упираясь в землю. Полы пиджака вытянулись по ветру над его головой. Он всматривался в залитый лунным светом мир с подветренной стороны.

— Тут что-то очень неладно, — сказал мистер Фотерингей. — А что именно — одному богу известно.

Куда ни глянь, в белом сиянии, сквозь пылевую мглу, гонимую визжащим ураганом, виднелись лишь вздыбленные массы земли и груды бесформенных развалин. Ни деревьев, ни домов, ни одного знакомого очертания — только пустыня хаоса, терявшаяся вдали во мраке под кружащимися столба-

ми и полосами туч, среди молний и громовых раскатов быстро нараставшей бури.

Неподалёку в мертвенном свете лежало нечто, некогда, возможно, бывшее вязом: искромсанная груда щепы, раздробленная от ветвей до самого основания. Дальше над нагромождением обломков поднималась скрученная масса железных балок — в ней слишком легко угадывался виадук.

Видите ли, остановив вращение твёрдого земного шара, мистер Фотерингей не сделал никаких оговорок относительно незначительных движимых предметов на его поверхности.

А Земля вращается так быстро, что её поверхность на экваторе движется со скоростью немногим больше тысячи миль в час, в наших же широтах — больше половины этой скорости. Поэтому городок, мистера Мейдига, мистера Фотерингея, всех людей и все вещи с чудовищной силой швырнуло вперёд со скоростью около девяти миль в секунду — иначе говоря, гораздо стремительнее, чем если бы их выпустили из пушки.

И каждый человек, каждое живое существо, каждый дом, каждое дерево — весь знакомый нам мир — были вот так отброшены, разбиты и совершенно уничтожены.

Вот и всё.

Разумеется, мистер Фотерингей не вполне понимал всё это. Однако он видел, что чудо вышло неудачным, и его охватило глубокое отвращение к чудесам.

Теперь вокруг стояла темнота: тучи сомкнулись и заслонили луну, которую он успел увидеть лишь на мгновение. Воздух наполнился мечущимися, извивающимися призраками града. Великий рёв ветра и вод заполнял землю и небо.

Прикрывая глаза ладонью и всматриваясь навстречу ветру сквозь пыль и ледяную крупу, он при вспышках молний увидел, как на него надвигается огромная стена воды.

— Мейдиг! — прокричал слабый голос мистера Фотерингея среди буйства стихий. — Эй! Мейдиг!

— Стой! — крикнул он наступающей воде. — Ради всего святого, стой!

— Одну минутку, — обратился мистер Фотерингей к молниям и грому. — Остановитесь хоть на минутку, дайте мне собраться с мыслями… И что же мне теперь делать? — спросил он. — Что мне делать? Господи! Вот бы Мейдиг оказался рядом.

— Знаю! — сказал мистер Фотерингей. — Только, ради всего святого, пусть на этот раз всё получится как надо.

Он по-прежнему стоял на четвереньках, упираясь против ветра, и был полон решимости всё сделать правильно.

— Ага! — произнёс он. — Пусть ничто из того, что я сейчас прикажу, не исполняется, пока я не скажу: «Пошло!»… Господи! Почему я раньше до этого не додумался!

Он возвысил свой слабый голос, стараясь перекричать вихрь. Кричал всё громче и громче, тщетно желая услышать собственные слова.

— Ну, теперь начинаем! Помнить то, что я только что сказал! Во-первых, когда я выскажу всё, что собираюсь сказать, пусть я лишусь своей чудесной силы. Пусть моя воля станет такой же, как у всех остальных, и пусть все эти опасные чудеса прекратятся. Не нравятся они мне. Лучше бы я их вовсе не творил. Куда лучше. Это первое. А второе — пусть я вернусь в то мгновение, когда чудеса ещё не начались. Пусть всё станет точно таким, каким было до того, как перевернулась эта проклятая лампа. Работа большая, зато последняя. Понятно? Никаких больше чудес, всё как прежде, а я снова в «Длинном драконе», перед тем как выпить свои полпинты. Вот так! Да!

Он зарыл пальцы в землю, закрыл глаза и произнёс:

— Пошло!

Всё совершенно стихло.

Он почувствовал, что стоит во весь рост.

— Это вы так говорите, — произнёс чей-то голос.

Он открыл глаза.

Он находился в пивной «Длинный дракон» и спорил с Тодди Бимишем о чудесах. Смутное чувство, будто он забыл что-то чрезвычайно важное, мелькнуло и тотчас исчезло.

Дело в том, что, за исключением утраты чудесной силы, всё вернулось к прежнему состоянию. Следовательно, его ум и память тоже стали совершенно такими, какими были в начале нашего рассказа.

Поэтому он ровным счётом ничего не знал обо всём здесь

рассказанном — и по сей день ничего не знает.

И, разумеется, по-прежнему не верил в чудеса.

— Я вам говорю: чудеса, если понимать это слово правильно, совершенно невозможны, — сказал он. — Думайте что хотите. А я готов доказать это со всей определённостью.

— Это вы так думаете, — сказал Тодди Бимиш. — А вы докажите, если можете.

— Послушайте, мистер Бимиш, — сказал мистер Фотерингей. — Давайте прежде ясно установим, что такое чудо. Это нечто противное естественному порядку вещей, совершённое силой воли…

Часть вторая. Человек, который мог творить чудеса

Киноповесть, 1936

Вступительные замечания

Это фантастическая кинокомедия. Её обрамляют короткие пролог и эпилог, указывающие на более широкий смысл происходящего. Джордж Макуиртер Фотерингей — определённая личность, конкретный человек, и от начала до конца он остаётся самим собой. Все действующие лица обладают ярко выраженной индивидуальностью: это характеры, а не символы. Их нужно играть.

Мы снабдили эту историю обрамлением, чтобы при постановке уберечь её от вторжения — а оно оказалось бы губительным — всякого ослабляющего действие «символизма»: в декорациях, гриме, музыке, диалогах или любых других подробностях фильма. Всё должно быть реальным, настолько реальным, насколько это вообще возможно, достоверным, буднично-конкретным — вплоть до последней стадии мировой катастрофы.

Обрамление же, напротив, должно быть столь «возвышенным», сколь позволяют музыка и кинокамера. Его можно было бы убрать, и фильм всё равно остался бы связной фантастической историей. Но оно необходимо, чтобы расширить смысловой охват и сделать «Человека, который мог творить чудеса» достойной парой «Облику грядущего».

Заметьте: последнее слово остаётся за Фотерингеем, а не за обрамлением. Всё дело в Фотерингее. В отличие от «Об-

лика грядущего», этот фильм строится вокруг исполнителя главной роли.

Музыка

Музыка должна непрерывно сопровождать фильм и поддерживать действие: весёлая, переходящая в гротеск и достигающая огромных, бурных звуковых нарастаний. Отдельным линиям действия должны соответствовать характерные музыкальные темы.

Фотерингей, например, должен иметь весёлую, незатейливую, лёгкую и запоминающуюся мелодию, в которой таилась бы возможность трогательного звучания. В минуты нерешительности он мог бы иногда насвистывать её сквозь зубы.

С ней должен быть связан особый музыкальный росчерк, сопровождающий его чудеса: поначалу мелкий и комический, а впоследствии, по мере того как чудеса приобретают всё большее значение, — исполненный зловещих предчувствий и угрозы.

Даже во время длинных риторических речей музыка должна продолжать свой негромкий комментарий, словно оркестр гоблинов наблюдает за драмой, наслаждается ею и готов вскочить от возбуждения в самые бурные минуты.

Вступление должно обладать спокойным величием, которое затем нарушается своеобразной пульсацией и резко обрывается оглушительной тишиной, когда палец опускается на Фотерингея.

Возможности музыкальной пульсации для усиления при-

ближающейся кульминации ещё недостаточно использованы в кино. Здесь следует их испробовать.

Часть

I

— Стихийные силы

Звучит величественная музыка.

Звёздное небо — такое, каким его можно увидеть ясной морозной ночью в умеренных широтах. Сначала расположение звёзд незнакомо. Видны странные туманности и два очень ярких созвездия: одно из семи, другое из одиннадцати звёзд.

Поначалу звёзды медленно плывут по экрану, пока Всадники продолжают свой путь. Затем, в момент, обозначенный буквой А, появляются знакомые созвездия, но несколько сплющенные, искажённые и видимые в ракурсе. В момент, обозначенный буквой Б, они занимают точно те положения, в которых мы привыкли их видеть. Высоко в небе — Орион.

На фоне звёзд всё отчётливее проступают два Всадника. Это прекрасные обнажённые мужские фигуры на конях. Сначала они едва светятся, затем становятся непрозрачными. Звёзды ярко сияют сквозь них; потом очертания Всадников делаются плотнее и определённее, заслоняя звёзды. Кажется, они скорее из бронзы, чем из плоти и крови.

Слышны их голоса, однако не вполне ясно, кто именно говорит.

Первый Всадник назван здесь Наблюдателем. Второй — Равнодушным. Третья великая стихийная сущность именуется Игроком, или Дарующим Силу.

Эти имена не появляются на экране. Они несущественны и употребляются здесь только для удобства.

Наблюдатель:

— Вон наш брат, Дарующий Силу. Играет со своей планетой.

Он указывает вдаль.

Равнодушный:

— С той странной маленькой планетой, на которой водятся живые существа?

Он прикрывает глаза ладонью от яркого звёздного скопления прямо над ними.

Наблюдатель:

— Посмотрим, что он делает.

Здесь наступает момент А.

Огромные фигуры двух Всадников движутся вперёд по экрану. Их кони опускаются за нижний край кадра, так что Наблюдатель и Равнодушный теперь видны лишь по пояс — полупрозрачные фигуры верхом, слева и справа от центральной фигуры.

Они останавливаются вполоборота к зрителю, глядя в центр.

Там находится третья огромная теневая фигура, также величественная и прекрасная. Она сидит в позе, напоминаю-

щей роденовского «Мыслителя», и задумчиво разглядывает нечто между своими ступнями.

Это момент Б.

Между его ступнями располагается Солнечная система, поначалу бесконечно малая. Она увеличивается, и по мере её увеличения два других Всадника уходят за края экрана; остаются лишь их голоса.

Но Игрок всё ещё виден: сумрачный, теперь почти непрозрачный, он заполняет экран так, что между его ступнями и сквозь них различимы только Солнечная система и несколько ближайших звёзд.

Равнодушный:

— Не можешь ты оставить этих мерзких зверушек в покое?

Игрок качает головой.

— Людей?

Наблюдатель:

— До чего же глупые создания. Кишат и ползают. Зачем Владыка позволил им существовать?

Игрок:

— Они жалко малы и слабы. Но… они мне нравятся.

Равнодушный:

— Какой от них толк? Раздави их.

Игрок после паузы:

— Нет. Они мне нравятся.

Наблюдатель:

— Вздор. Они отвратительны. Низки, жестоки и глупы. Тщеславны и жадны. Ползают друг по другу, убивают и пожирают друг друга.

Игрок:

— Они просто слабы.

Равнодушный:

— К счастью.

Игрок:

— Не будь они слабыми, возможно, они не были бы столь жалкими. Но их жизнь так коротка, а усилия так ничтожны…

Наблюдатель:

— Получив Силу, они не стали бы лучше.

Игрок:

— Я собираюсь это проверить. Я дам им всю Силу, какую только могу дать.

Наблюдатель:

— Не надо. Ты — Дарующий Силу. Ты можешь наделять ею без меры. Что произойдёт, если эта жадная, глупая человеческая парша, способная только плодиться и толкаться, расползётся среди наших звёзд?

Игрок:

— Увидишь.

Наблюдатель:

— Ты собираешься наделить Силой их всех?

Игрок кивает и улыбается, склонив голову к Земле.

Наблюдатель:

— Но безграничной Силой? Способностью делать всё что угодно?

Игрок:

— У Силы, которую я могу даровать, есть предел. Так повелел Владыка… В самой сердцевине каждого существа есть крупица неподатливого вещества, которого не может коснуться никакая Сила. Душа, индивидуальность — та последняя тайна, над которой властен лишь Владыка. Их воля — какова бы она ни была — свободна. Но всё остальное, любое положение, любые обстоятельства, подвластно мне…

Солнечная система медленно увеличивается. Теперь и Игрок выходит за пределы экрана, превращаясь лишь в голос. Три голоса доносятся сверху, справа и слева.

На фоне звёзд Солнечная система занимает уже большую часть экрана.

Наблюдатель:

— Теперь мы увидим, чего стоят их души!

Игрок:

— Человеческая воля — освобождённая!

Наблюдатель:

— Черви, которым дали волю.

Равнодушный:

— Они осквернят звёзды.

Наблюдатель:

— Не давай Силу всем. Это будет взрыв. Испытай сначала

одного или двух. Испытай только одного.

Игрок:

— Так может ничего не получиться.

Наблюдатель:

— Испытай одного — и увидишь, что таится в человеческом сердце.

Равнодушный:

— Да. Одного. Кого-нибудь самого обыкновенного. Типичный образец. Пусть он сможет делать… всё что угодно. Дай ему Силу творить чудеса — без ограничений.

Игрок задумчиво:

— Почему бы и нет? Тогда, пожалуй, мы что-нибудь увидим.

Солнечная система всё это время приближается и увеличивается. Теперь уже можно различить Землю, которая выходит на передний план.

Три головы появляются рядом, серьёзно взирая на планету.

Игрок:

— Любого человечка. Все они очень похожи. Возьму кого-нибудь наугад.

Он медленно протягивает к Земле палец.

На фоне звёздного неба Земля становится всё крупнее. К маленькой планете приближается непомерно огромная рука с вытянутым пальцем.

Часть

II

— Дар

Пока звучали голоса, едва слышно продолжалась музыка — «музыка сфер». На последних репликах она становится отчётливее, а затем нарастает — или, вернее, вырождается — в тревожную, беспокойную, протестующую мелодию и внезапно обрывается.

Должно возникнуть ощущение испуганной, напряжённой тишины, какая могла бы воцариться перед тем, как искру поднесут к пороховому погребу.

Затем церковные часы бьют девять.

Под звёздным небом виден Дьюинтон, маленький английский провинциальный городок. Немногочисленные газовые фонари, освещённые окна, дорожные указатели и прочее едва рассеивают темноту.

Камера приближается к городку, входит в него, движется по улицам и останавливается перед трактиром.

Улица пуста. Только мистер Джордж Макуиртер Фотерингей неторопливо приближается к заведению. Это самый обыкновенный бледнолицый молодой человек, помощник в универсальной лавке.

В тишине на котелок мистера Фотерингея опускается луч тьмы, имеющий форму кончика пальца.

На мгновение он задерживается: чёрный луч с пульсирующим мерцанием внутри, словно по нему стекают невидимые потоки Силы.

Затем он исчезает.

Мистер Фотерингей, по-видимому, не испытывает никакого воздействия и ничего не замечает. Он останавливается перед дверью, поправляет шляпу, перехватывает трость и входит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.